

На правах рукописи

Мартиросян Карине Вардановна

**СТРУКТУРНЫЕ И СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СУБЪЕКТИВНОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ХРОНОТОПА
(НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И АРМЯНСКИХ СТУДЕНТОВ)**

19.00.05 – социальная психология
(психологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Саратов – 2021

Работа выполнена на кафедре психологии Волгоградского института управления – филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Научный руководитель: кандидат психологических наук, доцент
Медведев Александр Михайлович

Оппоненты: **Гуриева Светлана Дзахотовна,**
доктор психологических наук, профессор,
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Санкт-Петербургский государственный
университет», заведующий кафедрой социальной
психологии
Нартова-Бочавер Софья Кимовна, доктор
психологических наук, профессор, Федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Национальный
исследовательский университет «Высшая школа
экономики», профессор департамента психологии
факультета социальных наук

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет»

Защита диссертации состоится 25 ноября 2021 г. в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.234.14 по защите докторских и кандидатских диссертаций при ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» по адресу: 410012 г. Саратов, ул. Астраханская, 83, XI корпус СГУ, ауд. 515.

С диссертацией можно ознакомиться в читальном зале Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Автореферат разослан «_____» _____ 2021 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета Д 212.243.14
доктор психологических наук, доцент

Е.В. Рягузова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования субъективного психологического хронотопа представителей двух этносов – русских и армян – определяется процессами геополитического, религиозного и собственно психологического характера. Неоднозначность последствий распада СССР и образования на его прежней территории ряда суверенных государств сказывается на межэтнических отношениях и межличностных отношениях представителей этносов, входивших ранее в единое государственно оформленное образование, имевших идею общей истории и общей культуры.

Драматические и трагические события последних лет обострили проблемы мигрантов и вынужденных переселенцев, проблемы территориальных претензий соседствующих этносов. При этом не снизился интерес к изучению психологии представителей традиционных диаспор, проживающих в России, включая армянскую диаспору. Нам представляется необходимым и своевременным продолжение этих исследований, поскольку культурно-историческая и религиозная общность диаспоры и титульного этноса остается важным ресурсом социальной и политической стабильности в полиэтнической стране.

В психологической реальности межличностные контакты представителей различных этнических групп определяются сопоставимостью или несовместимостью субъективного образа мира. Образ мира, объединяющий в себе индивидуально-личное и родовое, этноисторическое и этнокультурное, представления о личном и историческом времени и пространстве, личных и этнокультурных ценностях, можно определить как субъективный хронотоп личного и этнического самосознания. Субъективный психологический хронотоп человека – это временная и пространственная организация его сознания и самосознания, связывающая образы значимых событий его личной жизни и образы значимых для него культурно-исторических событий. Согласно идее культурно-исторического опосредствования сознания (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн), личное и культурно-историческое в субъективной реальности человека могут рассматриваться как ее взаимосвязанные стороны. Для обозначения первой из них нами использовался термин «личный хронотоп», для обозначения второй – «этнохронотоп».

В науках о человеке понятие хронотопа применяется в психофизиологии (А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн), в культурологии и искусствоведении (М.М. Бахтин), а также в психологии (К. Левин, В.П. Зинченко, Н.Н. Толстых). В психологических исследованиях субъективная реальность чаще предстает либо во временном аспекте (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, Н.Н. Толстых, Е.И. Головаха, А.А. Кроник), либо в пространственном (Ф.Е. Василюк, А.В. Орлов, С.К. Нартова-Бочавер), хотя и декларируется исходная взаимосвязь и взаимоположенность этих аспектов. Их синтез, позволяющий исследовать исходную целостность, – хронотоп субъективной реальности, – возможен при

обращении к концепту неорганического тела человека (К. Маркс). В отечественной философии понятие неорганического тела человека разрабатывалось Э.В. Ильенковым. Согласно Э.В. Ильенкову, неорганическое тело человека – это динамичный ансамбль человеческих отношений и тех предметно-инструментальных и знаково-инструментальных средств, которые позволяют этот ансамбль строить, удерживать и преобразовывать. Поддержание человеческого способа организации жизни и упорядоченности сознания предполагает синтез образов разнопространственных и разновременных объектов и событий. Форма, в которой становится возможным такой синтез, – **субъективный психологический хронотоп**. Системность и объем хронотопа определяют осмысленность и полноту образов сознания человека, задают горизонт событий, к которым человек субъективно причастен.

Жизнь неорганического тела человека и ее хронотопическое строение проявляются во **временной перспективе (ВП)** и **психологическом пространстве личности (ППЛ)**. Жизнь человека в границах психологического времени-пространства предполагает работу с этими границами, в том числе, их расширение (обогащение субъективного хронотопа новыми образами и смыслами) или сужение (вытеснение образов из сознания, актуализацию защитных механизмов), а также их отстаивание и защиту от вторжений. Научно-психологическое понимание такой субъективной работы определяется концептом «**суверенность психологического пространства**» (СПП), введенным С.К. Нартовой-Бочавер.

Временная перспектива, психологическое пространство и его суверенность – показатели, которые будучи операционализированы, могут служить эмпирическими проявителями личного хронотопа. Предположение о наличии таких показателей у представителей *любой этнокультуры* определило ориентацию на **структурализм и универсализм** (К. Леви-Строс, Ж. Пиаже) этой стороны нашего исследования. В этом контексте использовались формализованные тесты.

Вторая, сторона исследования была обращена к этнохронотопу и его культурным опосредствованиям. Знак, символ, миф, семейный уклад, предания и история народа, образы и символы побед и трагедий – средства построения субъективного этнохронотопа, который формируется, удерживается и отстаивается посредством таких культурных медиаторов. Эти представления соответствуют идеям **культурно-исторической теории** Л.С. Выготского и ее этнопсихологической версии, данной в работах М. Коула, а также идеям **конструктивизма** – направления, в котором этнические общности рассматриваются как продукт культурно-исторического процесса. Для изучения этой стороны субъективного хронотопа была применена проективная техника культурно-символического опосредствования.

Таким образом, хронотоп субъективной реальности был представлен двумя сторонами: а) формально-структурной, исследование которой было ориентировано на структурализм и универсализм, на культурно-инвариантные универсалии временной перспективы и личного пространства; б) культурно-

содержательной, исследование которой было ориентировано на конструктивизм и идею культурного (в данном случае этнокультурного) опосредствования сознания.

Принадлежность человека к той или иной этнокультуре определяет специфичность его субъективного психологического хронотопа. Применительно к этнохронотопу – прямо и явно. Применительно к индивидуально-личному хронотопу – косвенно, опосредовано. Сама же эта специфичность может быть выявлена в **кросскультурном исследовании**. В традиции, заданной основателями кросскультурного подхода (Г. Триандис, М. Херсковиц, Дж. Берри), этничность представлена как несомненная, хотя и не единственная и не прямо действующая детерминанта и основа субъективной реальности человека. Важна не сама этничность, а ее психологическая функция в составе субъективной реальности – служить основанием и условием для становления идентичности, а также для таких явлений как этноцентризм, космополитизм или маргинальность.

Сочетание ориентации на структурализм и универсализм (К. Леви-Строс) с ориентацией на конструктивизм (Ф. Барт) и культурно-историческую теорию (Л.С. Выготский, М. Коул) определило логику эмпирического исследования: хронотоп индивидуально-личной жизни соотносился с субъективным этнохронотопом, а сами эти соотношения сопоставлялись в группах студентов, объективно различающихся этничностью и гражданством.

Степень разработанности категории психологического хронотопа и смежной проблематики достаточно высока. Связанные с этим понятием исследования проведены в общей психологии и психологии личности, в акмеологии и психологии развития, в возрастной психологии.

В недавнее время проведен ряд кросскультурных исследований, прямо или опосредованно относящихся как к проблематике временной перспективы, так и к проблематике жизненного мира и его ценностно-мотивационного содержания. Временная перспектива стала предметом совместного кросскультурного исследования А. Сырцовой, Дж. Бойда, Ф. Зимбардо и Н. Фьелена. Взаимосвязь ценностно-мотивационных ориентиров личности и этнонациональных установок в широком кросскультурном контексте изучалась О.Е. Хухлаевым, с коллективом соавторов (А.А. Бучек, Р.И. Зинурова, Н.К. Радица, Т.Ц. Тудупова, Э.Р. Хакимов). В кросскультурных исследованиях Р.М. Шамянова установлена взаимосвязь этноидентичности и субъективного благополучия человека. В работах В.С. Мухиной и в ряде диссертационных исследований, выполненных под ее руководством, проблематика жизненного мира человека рассматривается в контексте этнокультурного самосознания и межэтнического взаимодействия. Этнический хронотоп, понимаемый как «характеристика сознания этноида», – предмет этнофункциональной теории, разработанной А.В. Сухаревым.

В настоящее время исследования субъективного хронотопа проводятся в связи с проблематикой личностной суверенности и автономии. Суверенность стала предметом исследования в различных контекстах: от человеческой

телесности как составляющей субъективной реальности (А.Ш. Тхостов) до проблематики толерантности и нонконформизма (В.Э. Чудновский), а также исследований и терапии детско-родительских отношений (А.Я. Варга). Наиболее полную операционализацию понятие суверенности получило в авторской концепции С.К. Нартовой-Бочавер.

При этом остается актуальным уточнение роли культурных медиаторов в построении субъективного хронотопа и его суверенности, поскольку именно культурные опосредствования выступают для него опорами и средствами рефлексии его границ.

Объект исследования – различия в соотношении структурных и содержательных показателей субъективного психологического хронотопа, в культурно-символических средствах его построения, представленные в сознании студентов различной этнической принадлежности и места проживания.

Предмет исследования – субъективный психологический хронотоп сознания представителей русской и армянской этнических групп различного места проживания, представленный в двух соотносимых контекстах: личная жизнь и жизнь народа.

Определяя хронотоп как *субъективный*, мы полагаем, что это не индивидуальная биография и не хрестоматийная история народа как таковые, не то, что претендует на объективную представленность пространства и объективные временные отрезки, напротив, это субъективная конструкция, основанная на *отношении* как к произошедшим и происходящим, так и к еще не наступившим и только предполагаемым событиям.

Цель исследования – выявление и кросскультурное сопоставление структурных и культурно-содержательных характеристик субъективного психологического хронотопа, его временных, пространственных, культурно-исторических и этнокультурных показателей у представителей студенчества русской этнической группы и двух армянских этнических групп: жителей Еревана и жителей Волгограда.

Основные гипотезы исследования:

1. Субъективный психологический хронотоп, его временная и пространственная составляющие при кросскультурном сопоставлении: а) проживающих в Российской Федерации представителей титульной нации – русских; б) армян диаспоры, традиционно проживающих в Российской Федерации (коренных волгоградцев); в) армян, проживающих на своей исторической родине в Армении, могут обнаружить несовпадающие соотношения структурных и этнокультурных показателей. Несовпадение соотношений может по-разному проявиться в результатах, получаемых с помощью культурно свободных методик и методики, содержащей этнокультурную символику.

2. Поскольку у студентов-армян волгоградской диаспоры есть основания соотносить свой образ жизни с жизнью русских сверстников, а также сверстников и родственников из Армении, их субъективный хронотоп в

бóльшей мере становится предметом рефлексии, что может найти отражение в формальных и в содержательных характеристиках хронотопа – в его относительной большей структурной и содержательной наполненности.

3. Предполагаемая относительно бóльшая сложность субъективного психологического хронотопа армян диаспоры может проявиться в использовании символов, отражающих индивидуальную жизнь, жизнь родного этноса, жизнь страны проживания в их сопоставлении, противопоставлении или сопряжении.

4. В хронотопе сознания русских, как представителей титульного этноса, связь личного и этнического может субъективно восприниматься как данность, не требующая рефлексии и подтверждения. Как следствие – представленность в субъективном хронотопе по преимуществу глобально-обобщенных этнически не акцентированных образов, без конкретизации и соотнесения. Суверенность психологического пространства русских может быть представлена средне-нормальными значениями, поскольку у титульного этноса отсутствуют проблемы ассимиляции и сегрегации.

Дополнительная гипотеза: различия в показателях субъективного психологического хронотопа должны проявиться и в гендерном аспекте, поскольку семейные уклады и гендерные дифференцировки в семьях этих групп различны, а также различны условия социализации студенческой молодежи в условиях родного этнического окружения и при проживании в условиях диаспоры.

Задачи исследования:

1. На основе анализа философских концепций и психологических теорий, в которых хронотоп человеческой жизни был предметом осмысления и изучения, определить теоретико-методологическую платформу исследования.

2. Используя сочетание методик изучения временной перспективы, суверенности психологического пространства, осмысленности жизни и локализации контроля над жизненными событиями, – культурно-свободных тестов, – изучить строение и направленность сознания и построить типологию личных хронотопов субъективной реальности.

3. Разработать и апробировать технику культурной провокации «История моей жизни и история моего народа», направленную на выявление этноспецифичных культурных опор сопряжения хронотопа личной жизни с субъективным этнохронотопом.

4. Провести анализ и обобщение эмпирического материала, полученного посредством авторской методики «История моей жизни и история моего народа», построить на этой основе типологию хронотопов этнокультурной субъективной реальности – этнохронотопов.

5. Установить связи-сопряжения между типологией хронотопов индивидуально-личной жизни, представленной в формально-структурных показателях культурно-свободных тестов, и типологией этнохронотопов.

6. Провести кросскультурное соотнесение сочетаний хронотопов личной жизни и субъективных этнохронотопов в трех группах респондентов: русских

студентов из Волгограда, волгоградских студентов-армян, студентов-армян из Еревана; выявить особенности, характерные исключительно для каждой из групп, определяемые этничностью и гражданством (местом проживания).

Методологическую основу исследования составили:

- антропологический подход к психологии человека и положенный в его основание концепт субъективной реальности (В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев);
- принцип системности (Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, В.П. Зинченко, М.Г. Ярошевский);
- принцип развития (Л.И. Анцыферова, А.С. Арсеньев, А.Г. Асмолов, Л.С. Выготский, Д.Н. Завалишина, А.В. Петровский, Е.А. Сергиенко);
- принцип детерминизма (Т.Д. Марцинковская, А.В. Петровский, К. Поппер, С.Л. Рубинштейн, Т.А. Флоренская, М.Г. Ярошевский);
- принцип субъектности (К.А. Абульханова, Л.И. Божович, А.В. Брушлинский, В.В. Знаков, С.Л. Рубинштейн);
- структуралистский, универалистский (К. Леви-Стросс, Ж. Пиаже) и конструктивистский (Ф. Барт, М. Коул) подходы к исследованию этнических общностей.

Наиболее значимыми для исследования были антропологический подход и принцип субъектности: применительно к предмету нашего исследования – понимание субъективного хронотопа как генерализованного способа оформления человеком отношения к своему психологическому бытию.

Теоретическую основу исследования составили концепт хронотопа (А.А. Ухтомский, Н.А. Бернштейн, М.М. Бахтин); теория динамического поля (К. Левин); теории суверенности личного пространства человека (С.К. Нартова-Бочавер); временной перспективы (Ф. Зимбардо, К. Левин, Ж. Нюттен, Н.Н. Толстых); концепция жизненного пути (К.А. Абульханова, А.А. Кроник, Е.И. Головаха); концепция субъектности (С.Л. Рубинштейн, К.А. Абульханова, А.В. Брушлинский), культурно-историческая теория, прежде всего, идея культурного опосредствования человеческого сознания (Л.С. Выготский) и культурного опосредствования субъективного хронотопа (Н.Н. Толстых, В.С. Мухина).

Методы исследования: анализ философской, исторической, политико-публицистической и психологической литературы по теме исследования, соотнесение понятийного и методического аппарата теорий, опросные, проективные и статистические методы. Достижение цели и проверка гипотез обеспечивались следующим **методическим инструментарием:**

- опросник временной перспективы ZPTI (Ф. Зимбардо);
- опросник «Суверенность психологического пространства» (С.К. Нартова-Бочавер);
- тест смысложизненных ориентаций (Д.А. Леонтьев);
- тест культурно-ценностных ориентаций (Дж. Таусенд);
- авторская техника «История моей жизни, история моего народа».

Как дополнительное уточняющее исследовательское средство использовалась беседа (неструктурированное интервью).

Применялись методы частотного, корреляционного и факторного анализа. Для статистической обработки результатов был использован SPSS Statistics 17.0.

Достоверность и научная обоснованность результатов и выводов исследования обеспечены теоретико-методологическими положениями и объемом проанализированных научных источников, применением диагностических методов, соответствующих целям, предмету, задачам и гипотезам исследования, соблюдением требований, предъявляемых к применению методик, использованием статистических методов обработки результатов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Теоретико-методологическим основанием изучения субъективной реальности человека может быть концепт хронотопа, задающий связь субъективного времени, субъективного пространства, образов значимых событий индивидуально-личной жизни и жизни этноса, составляющих, его смысловое измерение, объединяющее время и пространство событийным смыслом.

2. Сочетания показателей временной перспективы, суверенности психологического пространства и локализации контроля над жизненными событиями, подтвержденные процедурой факторизации, дают основания для типологии индивидуально-личных хронотопов и выявления наиболее распространенных из них или вовсе отсутствующих в каждой из обследованных групп.

3. Техника «культурной провокации», основанная на ассоциативном комбинировании этнокультурных образов и символов выявляет этноспецифические культурные опоры, на которых строится субъективный этнохронотоп. Представленность в нем событий и символов истории этноса и истории страны проживания, характер их взаимосвязи позволяют типологизировать субъективные этнохронотопы на основе концептов, отражающих их обобщенный смысл: героизм; негативизм и критичность; утопичность; страдания и жертвенность; религиозность; мозаичность; объединение истории армянского народа с российской историей.

4. Между типологией хронотопов индивидуальной жизни и типологией этнохронотопов существуют связи-сопряжения, которые специфичны для каждой группы, что выявилось в кросскультурном сопоставлении результатов.

5. Соотношения хронотопа личной жизни и этнохронотопа связаны с этнической принадлежностью и гражданством (местом проживания). У представителей русской группы хронотоп личной жизни соотносится либо с героическими образами истории этноса, либо, при утрате субъективного контроля над личной жизнью, – с критикой и неприятием социальных и исторических процессов. Для армян в целом при сравнении с русскими преобладающими средствами сопряжения индивидуального хронотопа и этнохронотопа выступают этноисторические и этнорелигиозные символы, поскольку они бесспорны в качестве средств культурно-исторической связи для

всех армян независимо от места проживания. Негативно-критический этнохронотоп, в отличие от русской группы, не представлен, представлен «страдальческий», который не обнаруживается в русской группе. В сознании волгоградских армян представлены сопряжения армянской истории с российской историей – удвоенный этнохронотоп, что составляет исключительную особенность хронотопа армян волгоградской группы. В сознании ереванских армян представлены сочетания внешне рефлексивного (ориентация на внешние оценки) личного хронотопа с героическим и уникальным этнохронотопами.

Научная новизна исследования состоит в следующем:

- разработан и реализован подход к исследованию субъективного психологического хронотопа посредством комплексного применения методик выявления временной перспективы, психологического пространства, ориентаций на определенный тип культуры и смысловых ориентаций, а также анализа общекультурных и этнокультурных образов и символов, отражающих причастность к жизни этноса и страны проживания;

- разработана и апробирована оригинальная методика, позволяющая построить типологию субъективных этнохронотопов на основе отбора и структурирования этнокультурных образов и символов, дифференцировать и конкретизировать полученную типологию применительно к социально-этническим группам русских студентов и студентов-армян, проживающих в России и в Армении;

- выявлены и интерпретированы три еміс-феномена: сочетание гедонизма и сверхсуверенности в мужской подгруппе студентов-армян диаспоры, сочетание фатализма и сверхсуверенности в мужской и женской группах студентов-русских, депривированность суверенности личного пространства в тестовых показателях молодых армянок, проживающих как в Армении, так и в России; полученные оригинальные данные раскрывают содержание и структуру суверенности психологического пространства и временной перспективы, определяемые этнической и гендерной принадлежностью респондентов, культурной обусловленностью их идентичности;

- разработана типология личных хронотопов, построенная на основе установленных взаимосвязей и факторного анализа формально-структурных показателей временной перспективы, суверенности психологического пространства и смысловых ориентаций, включающая четыре типа личного хронотопа: внутренне рефлексивный, внешне рефлексивный, ностальгически-фаталистический, стереотипно ориентированный индивидуалистический; дана их содержательная психологическая характеристика;

- разработана типология хронотопов этнического самосознания, построенная на основе показателей выбора и структурирования этнокультурных и этноисторических образов и символов, включающая восемь типов: уникальный, героический, утопический, негативно-критический, страдальческий, религиозный, мозаичный, удвоенный; типы этнохронотопа

соотнесены с этничностью и гражданством респондентов, установлено, что негативно-критический тип этнохронотопа представлен исключительно в материалах русской группы, а удвоенный – содержащий параллели истории России и истории Армении – исключительно в материалах армян Волгограда;

- между типами личного хронотопа и типами хронотопа этнического самосознания установлены сопряжения (посредством коэффициента взаимной сопряженности Чупрова): «внутренне рефлексивного» с «уникальным», «героическим», «религиозным»; «стереотипно ориентированного индивидуалистического» с «мозаичным» и «утопическим»; «внешне рефлексивного» с «утопическим и «героическим»; «ностальгически-фаталистического» со «страдальческим» в армянской группе и с «негативно-критическим» в русской группе.

Теоретическая значимость исследования: посредством концепта субъективного хронотопа и понятий ВП и СПП проанализированы связи между формально-структурным строением хронотопа и субъективно значимыми общекультурными и этнокультурными медиаторами, что имеет значение в контексте социальной психологии личности.

Практическая значимость исследования. Полученные данные о структурно-типовых особенностях хронотопа; о показателях суверенности психологического пространства, типах временной перспективы могут применяться для проектирования образовательно-воспитательных стратегий, программ и учебных курсов по этнопсихологии, психологии личности, психологическому здоровью и благополучию. Данные об этнокультурных и гендерных различиях в содержании и строении хронотопа, а также о присутствии в нем религиозной символики могут быть использованы в практике психологического консультирования.

Исследовательская база. Эмпирическое исследование проводилось с 2011 по 2018 гг. на территории Российской Федерации (в Волгограде на базе Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС) и на территории республики Армения (в Ереване на базе Бюраканской астрофизической обсерватории имени В.А. Амбарцумяна во время летней практики студентов Ереванского университета). В исследовании приняли участие 280 респондентов. Группу респондентов-русских составили 160 человек. Группу респондентов-армян составили 120 человек: армяне из волгоградской диаспоры – 68 человек; армяне из Еревана – 52 человека.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности – 19.00.05 «Социальная психология». Диссертационное исследование соответствует п. 3 «Социальная психология групп» (группа как предмет исследования социальной психологии; методологические проблемы изучения больших социальных групп; психология межгрупповых отношений (механизмы межгруппового восприятия; эффекты внутригруппового фаворитизма и межгрупповой дискриминации)); п. 4 «Социальная психология личности» (специфика социально-психологического подхода к пониманию личности; соотношение личности и группы в социальной психологии).

Апробация и внедрение результатов исследования.

Материалы исследования были представлены на следующих мероприятиях:

1. I Международная научно-практическая конференции «Толерантность в современном мире: опыт междисциплинарных исследований» (г. Ярославль, 2011 г.).

2. XIII Международные чтения памяти Л.С. Выготского «Личность как предмет классической и неклассической психологии» (г. Москва, 2012 г.).

3. XX Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (г. Москва, 2013 г.).

4. Всероссийская научная конференция (с иностранным участием) «Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения)» (г. Москва, 2013 г.).

5. Международная научно-практическая конференции «Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации» (г. Прага, 2013 г.).

6. Международная научная конференция, посвященная 80-летию А.В. Брушлинского «Человек, субъект, личность в современной психологии» (г. Москва, 2013 г.).

7. XIV Международные чтения памяти Л.С. Выготского «Психология сознания: истоки и перспективы изучения» (г. Москва, 2013 г.).

8. V Международная конференция молодых ученых «Психология – наука будущего» (г. Москва, 2013 г.).

9. VI Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы и перспективы развития педагогики психологии» (г. Махачкала, 2015 г.).

10. X Международный молодежный конкурс научных работ «Молодежь в науке: новые аргументы» (г. Липецк, 2019 г.).

Материалы исследования использовались в учебных курсах «Этнопсихология» и «Социальная психология личности» на кафедре психологии Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС.

Результаты работы представлены в 26-ти публикациях автора, в том числе в 10-и статьях, опубликованных в ведущих рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Структура и объем диссертации определяются логикой анализа исследуемой проблемы. Диссертация состоит из введения, двух глав, выводов, заключения, библиографического списка и приложений. Общий объем диссертации составляет 187 страниц. Работа содержит 19 таблиц и 40 рисунков. Библиографический список включает 205 источника, в том числе 18 – на иностранном языке.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Введение содержит обоснование актуальности исследования, объект, предмет, цель и задачи, гипотезы, методы исследования, указание базы исследования, положения, выносимые на защиту; здесь же представлены

научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования.

Первая глава **«Теоретико-методологические подходы к изучению структурных и содержательных особенностей субъективного психологического хронотопа»** содержит пять параграфов.

В первом параграфе **«Психологическое время как составляющая субъективного психологического хронотопа»** представлена история изучения временной перспективы (ВП) в зарубежной и отечественной психологии, соотнесены основные направления исследований субъективного времени (У. Джеймс, Л. Франк, К. Левин, Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, К.А. Абульханова, Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Н.Н. Толстых).

Анализ позволил выделить характеристики ВП, имеющие значение для исследования и состоящие в следующем.

ВП – это своего рода «поле», в котором границы прошлого настоящего и будущего подвижны, что проявляется в переходах «прошлое – настоящее – будущее – прошлое». У человека в личностной форме существования (в отличие от индивидной формы) ВП выходит за границы биологической жизни, что задает предельные смыслы его существования. Жизненная перспектива человека как личности сопряжена с временной перспективой значимых для него социальных групп: семьи, рода, этноса, страны, человечества. ВП личности является высшим психологическим образованием, формирующемся в онтогенезе и персоногенезе посредством освоения человеком исторически предпосланной ему культуры (Л.С. Выготский, В.П. Зинченко, Н.Н. Толстых).

Во втором параграфе **«Психологическое пространство как составляющая субъективного хронотопа»** психологическое пространство личности (ППЛ) рассмотрено в контексте смежных и близких по содержанию понятий, таких как «эмпирическое Я» (У. Джемс), «жизненное пространство» (К. Левин), «образ мира» (А.Н. Леонтьев), «жизненные миры» (Ф.Е. Василюк). Представлены функции ППЛ, его основные измерения и характеристики (С.К. Нартова-Бочавер).

Конкретизация понятия ППЛ применительно к предмету и задачам исследования состоит в следующем.

Субъективная реальность человека, его субъективный хронотоп, ППЛ могут быть поняты только вместе с его социальным и предметным окружением. Жизненный мир предстает как «эмпирическое Я» в своих составляющих: физическое, социальное, духовное. При этом «эмпирическое Я» представлено «чистому Я» (У. Джемс), т.е. жизненный мир выступает для человека предметом, что создает возможность его осмысления, рефлексии.

ППЛ имеет «граничную зону», отделяющую человека от внешнего мира и избирательно соединяющую его с ним, ее изучение – предмет «психологической экологии» (К. Левин). Человек стремится контролировать и защищать границы ППЛ (С.К. Нартова-Бочавер); целостность границ – суверенность психологического пространства (СПП) – важнейшая характеристика ППЛ, определяющая самотождественность личности и

возможности ее развития.

В третьем параграфе **«Субъективный психологический хронотоп»** рассматривается характерное для человека соединение временных и пространственных составляющих, их субъективный синтез. Проанализировано понимание хронотопического строения субъективной реальности, содержащееся в работах К. Левина, Ж. Нюттена, К.А. Абульхановой, Б.Г. Ананьева, Е.И. Головахи и А.А. Кроника, В.П. Зинченко, Н.Н. Толстых.

Параграф содержит следующие констатации.

Понимание личности, сложившееся в традиционной психологии, ориентированной на естественнонаучную парадигму, – причинно-следственный детерминизм и структурность – не предполагает использование идеи хронотопа, поскольку личность представляется как относительно стабильный набор черт, связанных в относительно стабильную структуру.

При понимании личности как динамичного ансамбля общественных и социальных отношений (К. Маркс, Э.В. Ильенков, А.В. Петровский, В.А. Петровский), возникающего в человеческой со-бытийной общности (В.И. Слободчиков) и – в соответствии с принципом отраженной субъектности (В.А. Петровский) – трансцендирующего за ее границы, представление о ее хронотопической форме становится необходимым.

Человек, чтобы развиваться как личность, должен «взрывать» (по выражению С.Л. Рубинштейна) границы сложившегося хронотопа. Трансцендированию, преодолению границ должна сопутствовать рефлексия – осознание их наличия и их природы. Для рефлексии необходим «выход в вертикаль сознания», что предполагает культурное опосредствование сознания, и актуализацию предельных нравственных и этических оснований. Они могут быть найдены в области культуры, в содержании этнокультурной, общенациональной, религиозной идеи.

В четвертом параграфе **«Этнопсихологические особенности хронотопа в этнических группах армян и русских»** рассмотрены культурно-исторические, этнопсихологические предпосылки, определяющие особенности субъективного хронотопа армян и русских. Соотнесение исторических предпосылок позволило констатировать следующее.

Этническое самосознание армян связано с драматическими и трагическими событиями истории, основные из которых – принятие Христианства, длительное существование в инокультурном соседстве, геноцид армян, начавшийся в 1915 г., проблема Нагорного Карабаха.

Межэтнические отношения, включая отношения армян и русских, определяются этими образами исторической памяти, в том числе, памятью об участии и роли России и русских в ряде критических событий истории армянского этноса.

Для молодых армян, проживающих в Волгограде, по сравнению с армянской молодежью, проживающей на исторической родине, задача межэтнического взаимодействия более актуальна и ее решение предполагает бóльшую степень рефлексии границ субъективного хронотопа.

У русских субъективный хронотоп традиционно определяется широтой и исторической глубиной при масштабности вмещающихся в нем событий. При этом актуальные, но относительно дробные события могут вытесняться за границы хронотопа без четкой оценки и фиксации извлеченного опыта.

Отношение русских к армянской диаспоре противоречиво: это покровительственное отношение, опирающееся на историческую и религиозную общность, и, вместе с тем, отношение как к агенту вторжения, нарушающему этнокультурную экологию титульного этноса.

В пятом параграфе **«Суверенность психологического пространства как граница хронотопа: в контексте формирования этнической идентичности»** понятие СПП соотносится с принятым в этнопсихологических исследованиях понятием «этноидентичность» и известными стратегиями аккультурации (сепаратизм, ассимиляция, интеграция, маргинализация). Обосновывается, что СПП является необходимым основанием этноидентичности.

Проанализированы подходы к исследованию этнической идентичности, ее компонентов (А.А. Налчаджян, Г.У Солдатов, Т.Г. Стефаненко, В.Ю. Хотинец). Рассмотрены аккультурационные процессы и типологии, описывающие результаты аккультурации, как для групповой, так и для индивидуальной идентичности (С. Бокнер, Дж. Берри), обусловленные уровнем СПП.

Глава завершается **выводами**, в которых обобщены результаты теоретического анализа и представлены основания последовавшего эмпирического исследования личного хронотопа и этнохронотопа, их взаимосвязи.

Вторая глава **«Исследование хронотопа субъективной реальности в его индивидуально-личных и этнокультурных аспектах (на примере русских и армянских студентов)»** состоит из шести параграфов, в которых представлены методическое обеспечение, описание эмпирического исследования, его результаты, их анализ и обсуждение.

В первом параграфе **«Общая организация исследования. Методики и измеряемые показатели»** описывается концепция эмпирического исследования, методики и выборка, на которой оно проводилось.

Исследование обеспечивалось комплексом перечисленных во введении методик. В параграфе также представлен перечень измеряемых переменных.

Исследование включало пилотажный этап, направленный на подтверждение содержательной и конструктивной валидности авторской методики, и два основных этапа – первый с применением культурно-свободных тестов и второй с применением авторской проективной техники.

Во втором параграфе **«Временной аспект субъективного психологического хронотопа: структурные показатели временной перспективы»** описаны результаты исследования ВП респондентов, родившихся, выросших и ныне живущих в условиях разных этнических культур, имеющих различное гражданство и место проживания. При сопоставлении результатов был использован U-критерий Манна-Уитни.

При изучении структурных показателей временной перспективы

установлено следующее.

На статистически значимом уровне по показателям «негативное прошлое» (Sig. = 0,396) и «фаталистическое настоящее» (Sig. = 0,103) этнические группы *не различаются*.

На статистически значимом уровне этнические группы *различаются* по ВП-показателям «гедонистическое настоящее» (Sig. = 0,016), «позитивное прошлое» (Sig. = 0,002), «будущее» (Sig. = 0,004). В сравнении с русскими респондентами у *респондентов-армян* выявлены *более высокие показатели ориентации на гедонистическое настоящее* и относительно *низкие – на позитивное прошлое и будущее*.

Сравнение результатов у армянских респондентов показало, что армяне, проживающие в Армении и армяне, проживающие в России, *не различаются* по ВП-показателям «гедонистическое настоящее» (Sig. = 0,115) и «фаталистическое настоящее» (Sig. = 0,467). Но они *различаются* по показателям «сбалансированная ориентация» (Sig. = 0,015), «будущее» (Sig. = 0,010), «позитивное прошлое» (Sig. = 0,000) и «негативное прошлое» (Sig. = 0,002), причем армяне, проживающие в России, показали более высокую ориентацию на «будущее». И этот показатель у российских армян оказался преобладающим на фоне сниженных значений «позитивного прошлого». У жителей Армении значения тех же показателей оказались примерно равными, а ВП в целом – более сбалансированной.

В третьем параграфе **«Пространственный аспект психологического хронотопа: структурные показатели психологического пространства»** представлен анализ показателей СПП, полученных посредством методики С.К. Нартовой-Бочавер.

В общей выборке респондентов, в этнических группах, в мужской и женской подгруппах, – то есть у всех респондентов, – были обнаружены все три описанные С.К. Нартовой-Бочавер уровня суверенности: сверхсуверенность, нормальная суверенность, депривированность. (Термин «депривированность СПП» означает «прозрачность», проницаемость границ ППЛ, когда человек подвержен внешним влияниям, следует логике обстоятельств и воле других людей, не имея средств установления психологической экологии.)

Их соотношение в результатах исследования таково: 50 % от общего числа респондентов – нормальная суверенность; 27,5 % – сверхсуверенность; 22,5 % – депривированность СПП.

Значимые *различия* между группами русских и армянских респондентов при сопоставлении тестовых результатов по U-критерию Манна-Уитни выявлены по показателям «территория» (Sig. = 0,004), «мир вещей» (Sig. = 0,001) и «социальные связи» (Sig. = 0,001). Не было выявлено различий по показателям суверенности «физического тела» (Sig. = 0,227), «привычек» (Sig. = 0,458) и «ценностей» (Sig. = 0,106).

Сравнение показателей СПП по гендерному основанию выявило следующие особенности.

В группе русских респондентов, как юноши, так и девушки показали

близкие значения уровней СПП. И по обобщенному показателю, и по отдельным секторам это были средние значения (в пределах статистической нормы). Лишь по секторам «мир вещей» и «социальные связи» были выявлены незначительные расхождения. Общий же уровень суверенности у девушек из русской группы – несколько выше среднего.

Армянские юноши показали более высокий по сравнению с русскими сверстниками уровень суверенности. Девушки-армянки по уровню СПП отличаются как от русских респондентов – и мужского, и женского пола – так и от мужчин армянской группы. Общий уровень суверенности у них ниже. На личную жизнь молодых армянок в большой мере влияет внешний контроль и необходимость соблюдения гендерных и возрастных норм: они вынуждены учитывать регламентирующие их жизнь требования родителей, а в замужестве – мужа и его родственников.

При сравнении распределения уровней СПП и измерений ВП в целом по выборке по критерию χ^2 установлено наличие статистически значимой взаимосвязи между рассматриваемыми параметрами ($p = 0,000$). Обработка данных с использованием коэффициента сопряженности Чупрова показала умеренную связь ($K = 0,687$, при $p = 0,000$). Соотнесение показателей СПП с показателями ВП обнаружило, что сверхсуверенность сопряжена с «гедонистической» ориентацией, нормальная суверенность – со «сбалансированной» ВП, а депривация СПП сопряжена с «негативным прошлым» и «фаталистической» ориентацией. Сравнение этнических групп выявило, что у армян в сравнении с русскими преобладает сочетание гедонистической направленности и сверхсуверенности. Такое сочетание у волгоградских армян превышает тот же показатель у ереванских армян.

Сравнение показателей выявило *три etic-феномена* – «фатализм» в сочетании со «сверхсуверенностью» СПП у русской группы, «гедонизм» в сочетании со сверхсуверенностью у юношей из группы волгоградских армян, депривированность СПП у девушек из армянской группы в целом.

В четвертом параграфе «**Смысло-жизненные ориентации в контексте субъективного хронотопа**» проанализированы и соотнесены показатели осмысленности жизни. Применение методики СЖО (Д.А. Леонтьев) позволило убедиться в осознанности и неслучайности характеристик ВП и СПП, выявленных на предшествующих этапах исследования. В выборке в целом преобладает средний показатель осмысленности жизни (ОЖ), *статистически значимых различий между этническими и гендерными группами не выявлено*.

Обработка полученного континуума показателей ОЖ, ВП, СПП с использованием коэффициента Спирмена выявила спектр корреляций, что стало основанием для проведения процедуры **факторного анализа**. В результате были получены факторы, обозначенные как:

- **внутренне рефлексивный** – преобладание настоящего и будущего во временной перспективе в сочетании с высокими уровнями суверенности, интернальность в показателях осмысленности жизни;

- **стереотипно ориентированный индивидуалистический** – сочетание ориентации на будущее с показателями сверхсуверенности в отношении личного пространства и высокой суверенности мира личных вещей и социальных отношений при невысоких показателях осмысленности жизни, не актуализированной личностной рефлексии;

- **внешне рефлексивный** – депривированность суверенности (низкая экологичность внутреннего психологического пространства) в сочетании с экстернальностью локуса контроля жизненных событий;

- **ностальгически-фаталистический** – сочетание негативного прошлого и фаталистического настоящего во временной перспективе с низкой суверенностью и низким интересом к осмыслению жизни.

В пятом параграфе **«Культурные ориентации в соотношении со структурными характеристиками хронотопа»** рассмотрены отношения респондентов к культуре, к культурному наследию, их ориентации на культурные традиции, или, напротив, на современную или только лишь формирующуюся культуру. Данные о культурных ориентациях получены с применением методики Дж. Таусенда (в адаптации Л.Г. Почебут). Проанализированы связи этих ориентаций с ВП и СПП.

Обнаружено, что большинство респондентов всех групп склонны отдавать предпочтение современной культуре. Ориентация на традиции прошлого отмечается у тех, кто и во временной перспективе оценивает свое субъективное прошлое позитивно, как собрание достижений и основание для положительной самооценки в настоящем. Ориентации на современность и культурную традицию представлены у респондентов всех групп со всеми типами ВП по показателям методики Ф. Зимбардо. В целом они преобладают над предпочтениями, отдаваемыми динамично развивающейся культуре.

Соотнесение показателей ВП, СПП и культурных ориентаций позволило уточнить еміс-феномены, среди которых в большей мере проявился «армянский гедонизм»: сочетание «гедонистической» ВП со «сверхсуверенностью» ППЛ и ориентацией на традиционный или современный тип культуры. Содержание «армянского гедонизма» прояснилось в индивидуальных беседах: юноши-армяне из волгоградской группы декларировали успешность в реализации бизнес-проектов (собственный или семейный бизнес), финансовую и жилищную самостоятельность, что и определяло их «сверхсуверенность» и удовлетворенность современными культурными реалиями. В русской группе еміс-феномен «русского фатализма», – сочетание «сверхсуверенности» с «фаталистическим настоящим» и ориентацией на современную культуру, – причинно-содержательно представлен сетованием на неопределенность перспектив, ненадежность родственной поддержки и сравнительно высокую конфликтность в отношениях с родителями.

В шестом параграфе **«Типологические варианты субъективных хронотопов и этнохронотопов»** хронотоп индивидуальной жизни соотнесен с хронотопом жизни этноса и страны – России и Армении. Материалы получены

посредством авторской методики, построенной на составлении коллажей из картинок и символов различного культурно-исторического содержания и содержания обыденной частной жизни людей. Материал содержал этнокультурную, религиозную символику, а также фотографии реальных ландшафтов, культурных объектов, исторических событий и исторических персон.

В параграфе дана типология хронотопов и иллюстрирующие ее коллажи.

«Уникальный» хронотоп, хронотоп «избранности» – представлен *исключительно* в коллажах армянской группы. Основная идея – уникальность, исключительность исторической, культурной и природно-географической сторон жизни родного этноса. Этнически нейтральная символика не представлена вовсе. «Избранность», «исключительность», «уникальность» – темы подписей-комментариев к коллажам.

«Героический» хронотоп – содержит образы и символы свершений, побед, исторической стойкости народа и его героев. При этнокультурной специфичности содержания этот тип представлен в обеих этнических группах. Героическая символика не была ограничена исключительно своим этническим контекстом, включала и обобщенные образы и символы.

«Утопический» хронотоп – коллажи с явным преобладанием оптимистически окрашенного образа будущего, часто представленного декларативно (судя по сопровождающим подписям-комментариям). Представлен как в русской, так и в армянской группе респондентов (армян диаспоры), примерно в равной мере.

«Страдальческий» хронотоп – коллажи, вмещающие трагические, катастрофические события истории народа. Символика страдания и соответствующие комментарии либо составляют центр композиции, либо равномерно и полностью заполняют всю часть коллажа, отведенную для этнохронотопа. Такие коллажи, центрированные на трагических событиях 1915 года, были представлены армянской группой.

«Негативно-критический» хронотоп были составлены *исключительно* представителями русской группы респондентов. Они содержат символику и изображения трагических, кровопролитных событий, но, в отличие от армянского «страдальческого» варианта, в них дана критика социально-политических событий прошлого и критика современного состояния. ВП редуцирована или депривирована: ограничена современным моментом или предвещает катастрофическое развитие событий.

«Религиозный» хронотоп – коллажи, построенные на основе христианской тематики и символики (символы иных религий игнорированы), составлены респондентами обеих этнических групп, в большей степени – армянской группы.

«Мозаичный» хронотоп – не хронотоп в строгом смысле, соответствующие коллажи не были структурированы ни хронологически, ни пространственно. Предполагается (подтверждено беседами с респондентами), что это уклонение (уход, защита) от необходимости признать недостаточную

осведомленность в истории родного этноса. «Мозаичность» относится и к географической, и к исторической составляющим. Составленные респондентами коллажи нельзя характеризовать как полностью беспорядочные, в них есть семантические гнезда – «культура», «архитектура», «исторические персоны». Но расположены картинки и гнезда спонтанно-произвольно. Представлен в обеих этнических группах, преобладает в группе волгоградских армян.

«Удвоенный» хронотоп – проявился в коллажах респондентов из волгоградской армянской группы и *исключительно* в них: сопряжение двух историй – истории Армении и истории России, причем как в дореволюционный период, так в период существования СССР, это две параллельные приблизительно синхронизированные по датам последовательности исторических событий.

По результатам было выявлено сопряжение хронотопов индивидуальной жизни и жизни этноса.

Глава завершается выводами, обобщающими результаты, полученные посредством культурно-свободных методик и авторской техники культурной провокации. В качестве основного представлен вывод о сопряжении личных и этнических хронотопов:

- «внутренне рефлексивного» с «уникальным», «героическим», «религиозным»;
- «стереотипно ориентированного индивидуалистического» с «утопическим» и «мозаичным»;
- «внешне рефлексивного» с «героическим» и «утопическим» типами этнохронотопа;
- «ностальгически-фаталистический» тип оказался сопряженным с «негативно-критическим» (у русских респондентов), «страдальческим» (у респондентов-армян) типами этнохронотопа.

В русской группе респондентов наиболее распространенные сочетания индивидуального хронотопа и этнохронотопа – это сочетания «внешне рефлексивного типа» с «героическим», и «ностальгически-фаталистического» с «негативно-критическим».

В группе респондентов-армян наиболее распространенные сочетания индивидуального хронотопа и этнохронотопа – это сочетания «стереотипно ориентированного индивидуалистического» с «мозаичным», и «внешне рефлексивного» типа с «уникальным», «героическим» и «удвоенным» этнохронотопами. В группе армян диаспоры наиболее часто встречаются сочетания «внешне рефлексивного» типа с «удвоенным», «стереотипно ориентированного индивидуалистического» с «мозаичным» и с «удвоенным», а в группе армян Армении – сочетания «внешне рефлексивного» типа с «героическим» и «уникальным» этнохронотопами.

Заключение содержит итоги диссертационного исследования и основные выводы.

Результаты исследования **подтвердили первую гипотезу**. Действительно, временные и пространственные характеристики хронотопа субъективной реальности варьируют в трех обследованных группах студентов: у русских волгоградцев, у армян Волгограда и армян Еревана, а сами эти вариации по-разному представлены в результатах культурно свободных тестов и в результатах проективной методики, стимульный материал которой включает этнокультурную символику. Эти различия дополнительные, что дает более полное понимание предмета исследования.

Вторая гипотеза также нашла подтверждение. Так, при сравнении показателей временной перспективы у респондентов-армян выявлены более высокие, чем у русских значения по показателю «гедонистическое настоящее» и относительно низкие по параметрам «позитивное прошлое» и «будущее». Армяне Волгограда, по сравнению с жителями Армении, показали более высокую ориентацию на «будущее». По пространственным показателям группы различаются по интегральному уровню СПП и по секторам «физическое тело», «территория», «мир вещей», «социальные связи» и «ценности». При этом у армян Волгограда по этим показателям более высокая суверенность, чем у русских и армян Еревана. Значения показателей «позитивное прошлое» и «будущее» в сравнении с обеими армянскими группами выше у русских.

В коллажах волгоградских армян использовано больше элементов, чем в работах русских респондентов и респондентов из Армении. В коллажах волгоградских армян в целом более подробно представлены исторические факты, символы и персоны, связанные как с историей России, так и с историей Армении. Только в этой группе были построены удвоенные, сопряженные этнохронотопы, объединяющие историю армянского народа и историю России. Эти особенности, за исключением единичных случаев, показывают, что рефлексивное отношение к субъективному хронотопу как в личном, так в этнокультурном аспекте для армян диаспоры более актуально.

Третья гипотеза нашла частичное подтверждение – кроме действительно сложного сопряжения русского и армянского, представленного в удвоенных этнохронотопах армян диаспоры, были получены мозаичные коллажи. Мы отнесли их к проявлениям неструктурированности исторической ретроспективы и перспективы, недостаточной исторической осведомленности у некоторых из волгоградских армян. Дисгармоничные коллажи, в которых отражались бы противоречивость, противопоставление или несовместимость оценок исторических фактов жизни титульного этноса и жизни своего народа не были обнаружены. Но в русской группе, и исключительной в ней, были обнаружены коллажи, содержащие негативно-критическое отношение к явлениям экономической и политической жизни страны.

Четвертая гипотеза подтвердилась: действительно, обобщенные исторические (эпохальные) символы, не имеющие выраженного этнического акцента, были по преимуществу представлены в этнохронотопе русских. А религиозные символы значительно чаще использовались представителями армянской этнической группы по сравнению с русскими.

Дополнительная гипотеза о гендерных различиях также подтвердилась, преимущественно в формальных показателях «депривированности» личного пространства в обеих женских группах армянской выборки.

Проведенное исследование подтвердило исходные предположения, и позволило конкретизировать их и получить новые данные, основными из которых мы считаем обнаружение удвоенного этнохронотопа у респондентов армянской диаспоры, еміс-феноменов «армянского гедонизма» и «русского фатализма», а также особой по содержанию и смыслу «депривированности» ППЛ у женщин-респонденток из армянской группы в целом. В качестве перспектив исследования представляется более детальное изучение сопряжения и взаимоотношения индивидуально-субъективного хронотопа и хронотопов этноса и страны, определение дистанции и взаимопроникновения их содержаний.

Основные публикации автора по теме диссертации

Статьи в журналах, включенных в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов:

1. Мартиросян К.В. Типологические варианты хронотопа человека // В мире научных открытий. – 2013. – № 11.4 (47). – С. 266-276 (0,35 п.л.).

2. Мартиросян К.В. Суверенность личностного пространства как предмет теоретического и эмпирического психологического исследования // Интернет-журнал «Науковедение». – 2013. – №6 (19). – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/65PVN613.pdf> (1,03 п.л.).

3. Мартиросян К.В. Сопоставительный анализ формальных характеристик временной перспективы в русской и армянской выборках // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 12 (часть 7). – URL: <http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=36405> (0,5 п.л.).

4. Мартиросян К.В. Этноспецифичность суверенности психологического пространства личности // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 6. – URL: <http://science-education.ru/120-16262> (0,45 п.л.).

5. Мартиросян К.В. Культурная провокация как психолого-педагогический прием в преподавании этнопсихологии в биэтнических группах // Психология обучения. – 2015. – № 7. – С. 82-97 (1,43 п.л.).

6. Медведев А.М., Мартиросян К.В. Техника культурной провокации в исследовании субъективного хронотопа в полиэтнических студенческих группах // Интернет-журнал «Науковедение». – 2015. – Том 7. – № 2. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/07PVN215.pdf> (2,02 п.л.).

7. Мартиросян К.В. Субъективная реальность хронотопа самосознания в его индивидуальной и этнокультурной проекциях: подход к исследованию // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Том 5. – № 1. – URL: <http://mir-nauki.com/PDF/53PSMN117.pdf> (1,4 п.л.).

8. Медведев А.М., Мартиросян К.В., Хачатрян А.Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического

самосознания. Часть 1 // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Том 5. – № 4. – URL: <http://mir-nauki.com/PDF/47PSMN417.pdf> (2 п.л.).

9. Медведев, А.М., Мартиросян К.В., Хачатрян А.Ю. Хронотоп субъективной реальности как базовый концепт в исследовании этнического самосознания. Часть 2 // Интернет-журнал «Мир науки». – 2017. – Том 5. – № 6. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/20PSMN617.pdf> (2 п.л.).

10. Мартиросян, К.В., Букова, Д.В. Субъективное переживание трагических событий истории народа в индивидуальном хронотопе сознания армянской молодежи и потомков поволжских немцев // Интернет-журнал «Мир науки». 2018. №6. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/150PSMN618.pdf> (0,4 п.л.).

Научные статьи, опубликованные в других изданиях:

11. Мартиросян К.В. Человек как субъект суверенного психологического пространства: этнокультурный аспект // Психология образования в XXI веке: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Волгоград, 14–16 сент. 2011 г. (к 80-летию ВГСПУ). – Волгоград: «Перемена», 2011. – С. 103-105 (0,18 п.л.).

12. Мартиросян К.В. Психологическое пространство личности: этнокультурный аспект // XVI региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области. – Волгоград, 8 – 11 ноября 2011 г.: сб. науч. материалов. Напр. 12 «Педагогика и психология» /отв. ред. С.А. Комиссарова. – Волгоград: «Перемена», 2011. – С. 44-46 (0,18 п.л.).

13. Мартиросян К.В. Суверенность психологического пространства личности как основа толерантных межэтнических отношений // Толерантность в современном обществе: опыт междисциплинарных исследований: сборник научных статей. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 343-345 (0,17 п.л.).

14. Мартиросян К.В. Суверенность хронотопа человека: этнокультурный аспект // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2012». – М.: МАКС Пресс, 2012. – URL: http://lomonosovmsu.ru/archive/Lomonosov_2012/1841/5279.pdf (0,16 п.л.).

15. Мартиросян К.В. Хронотоп как ориентир духовно-нравственного развития личности: этнокультурный аспект // Глобальный мир и молодежь: вызовы современности: материалы Всероссийской молодежной конференции (2012; Волгоград). Всероссийская молодежная конференция «Глобальный мир и молодежь: вызовы современности», 28 сентября 2012 г., Волгоград: [материалы]. – Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. – С. 296-297 (0,14 п.л.).

16. Мартиросян К.В. Кросскультурные особенности хронотопа человека // Личность как предмет классической и неклассической психологии: Материалы XIII Международных чтений памяти Л.С. Выготского: Москва, 13-17 ноября 2012 г. В 2 т. Т. I. – М.: РГГУ, 2012. – С. 226-233 (0,32 п.л.).

17. Мартиросян К.В. Этнокультурные особенности хронотопа человека // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2013». – М.: МАКС Пресс, 2013. – URL http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2013/2247/5279_fd51.pdf (0,18 п.л.).

18. Мартиросян К.В. Суверенность хронотопа представителей армянской диаспоры // Идеи О.К. Тихомирова и А.В. Брушлинского и фундаментальные проблемы психологии (к 80-летию со дня рождения). Материалы Всероссийской научной конференции (с иностранным участием). Москва, 30 мая – 1 июня 2013 г. – М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 2013. – С. 184-186 (0,2 п.л.).

19. Мартиросян К.В. Суверенность жизненного хронотопа представителей студенческой молодежи армянской диаспоры // Этнокультурная идентичность как стратегический ресурс самосознания общества в условиях глобализации: материалы международной научно-практической конференции 28–29 сентября 2013 года. – Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 108-112 (0,23 п.л.).

20. Мартиросян К.В. Этнические особенности хронотопа человека // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 2. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013. – С. 67-69 (0,21 п.л.).

21. Мартиросян К.В. Особенности жизненного хронотопа представителей армянской диаспоры // Психология сознания: Истоки и перспективы изучения. Материалы XIV Международных чтений памяти Л.С. Выготского. – М.: РГГУ, 2013. – С. 426-431 (0,26 п.л.).

22. Мартиросян К.В. Структурная организация хронотопа представителей армянской диаспоры // Психология – наука будущего. Материалы международной научно-практической конференции. Москва, 28 – 29 ноября 2013 года. – М.: Институт психологии РАН, 2013. – С. 399-401 (0,16 п.л.).

23. Мартиросян К.В. Этнические особенности временной перспективы человека // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2014». – М.: МАКС Пресс, 2014. – URL: http://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2014/2640/2200_5279_aaee5f.pdf (0,18 п.л.).

24. Мартиросян К.В. Особенности хронотопа человека // Современные проблемы и перспективы развития педагогики и психологии: сборник материалов 6-й международной научно-практической конференции (г. Махачкала, 24 января, 2015 г.). – Махачкала: ООО «Апробация», 2015. – С. 130-131 (0,13 п.л.).

25. Мартиросян К.В. Содержание этнопсихологического хронотопа сознания представителей поволжских немцев и представителей армянской диаспоры в контексте риска психотравматизации // Молодежь в науке: Новые аргументы: Сб. науч. работ X Международного молодежного конкурса (Россия, г. Липецк, 1 марта 2019 г.). – Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2019. – С. 124-127 (0,2 п.л.).

26. Мартиросян К.В., Медведев А.М., Хачатрян А.Ю. Хронотоп идеального города в представлениях русских и армянских студентов волгоградских вузов // Мир науки. Педагогика и психология, 2020. – № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/42PSMN520.pdf> (2 п.л.).